

УДК 94(571.54)

Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска

Л. В. Кальмина

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ*

Статья посвящена процессу адаптации евреев в Сибири на примере губернского города Иркутска. Оказавшиеся здесь большей частью как ссыльные, они сумели проникнуть в высшее общество.

Ключевые слова: ссылка, черта оседлости, правовое положение, поведенческие стратегии, интеграция, место причисления, этническое насилие.

Жесткие рамки статьи не располагают к исчерпывающей характеристике адаптационного процесса, который прошли евреи, поселившиеся в административном центре генерал-губернаторства. Мы ограничимся лишь определением общих поведенческих стратегий их утверждения в городском экономическом и культурном пространстве и попытаемся обозначить некоторые нюансы взаимоотношений евреев с городским социумом, характерные именно для города со столь высоким статусом.

Евреи появились в Иркутске еще до Высочайше утвержденных правил 15 мая 1837 г., предписывающих «поселение евреев в Сибири решительно и навсегда прекратить». В отчете по управлению Восточной Сибирью за 1831–1832 гг. указано на наличие в Иркутской губернии 509 иудеев, 23 из которых жили в Иркутске [22, л. 197–198]. Среди «зашедших» сюда по собственной инициативе выделялись обладатели персональных разрешений, полученных в силу каких-то доблестей, например, винокуры Лейба и Яков Давыдовы, которым в 1827 г. Высочайшим повелением было разрешено винокурение на иркутских заводах [1, с. 22].

После принятия вышеназванного закона возможность оказаться в Сибири для евреев была жестко ограничена, и поселиться здесь (в том числе и в Иркутске) на легальных основаниях могли лишь некоторые их категории. Одним из постоянных источников пополнения иркутского еврейского общества были военные кантонисты. Пройдя муштру в военных школах – кантонах, они по достижении призывного возраста поступали на военную службу. В 1867 г. солдаты-евреи, отслужившие полный срок службы по рекрутскому уставу, получили право повсеместного жительства в империи. Эта категория оказала заметное влияние на состав еврейского населения в Иркутске. Бывшие кантонисты и евреи-солдаты, служившие в местных воинских частях, составили основной источник полноправного еврейского населения города –

ядро будущей общины. В Иркутске прослойка отставных солдат и унтер-офицеров была весьма заметной – 9,5 %.

Самой многочисленной и устойчивой группой иркутского еврейского населения были ссыльные, за которыми добровольно следовали члены их семей, по численности вплотную приближаясь, а то и превосходя собственно ссыльных. Иркутский генерал-губернатор А. И. Пантелеев в докладе в Министерство внутренних дел отмечал, что процент ссыльных весьма незначителен по сравнению с числом их полноправных единоверцев, хотя еврейский контингент в крае и образовывается главным образом за счет ссылки [3, л. 82]. Первоначальный выбор Забайкалья и Якутской области для исключительного поселения ссыльных евреев оказался неудачен из-за непригодности этих мест для жизни. В своем письме министру государственных имуществ графу Киселеву от 13 января 1856 г. генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев писал: «Предложение о поселении впредь евреев ссыльнопоселенцев вместо Забайкальской и Якутской областей на всем протяжении Сибири, кроме мест, находящихся на 100-верстном расстоянии от Китайской и других границ Сибири, я признаю мерой полезной и необходимой» [21, л. 174].

Как городской сегмент колонизационной волны, не приспособленные к условиям деревенской жизни и лишённые необходимых в деревне профессиональных навыков, евреи стремились вернуться в привычную для них городскую среду. Близлежащие к Иркутску губернии стали постоянными «поставщиками» евреев в город. Управляющий Иркутской Казенной палатой даже выступил с предостережением, что перечисление еврейских поселенцев по их просьбе из отдаленных округов в селения, ближайšie к Иркутску, чревато их самовольным прибытием в город, который «и без того переполнен евреями», и для пресечения их «эксплуататорской деятельности» в городе просил распорядиться, чтобы Иркутское губернское правление на будущее время не причисляло в селения Иркутского и Балаганского округов ссыльных евреев даже при предъявлении ими приемных общественных приговоров [4, л. 2]. Отмечая «центростремительные» наклонности «еврейского элемента», газета «Сибирь» писала, что «сосланного еврея на месте причисления в селении где-нибудь и даже в волости нет возможности удержать... и что Иркутск по числу евреев не уступает любому городу Европейской России, за исключением только западного края» [15].

Даже при известном преувеличении Иркутск действительно манил евреев как крупный, динамично развивающийся город. Расцвет торговли и золотопромышленности, оборот крупных капиталов, нажитых разработкой золотых приисков и торговыми операциями по их снабжению при не всегда строгом соблюдении ограничительных норм «еврейского» законодательства, дал здесь стремительный рост еврейского населения. В 1863 г. в Иркутске жили 283 еврея – немногим более одного процента городского населения. За последующее десятилетие еврейское население города удвоилось, а в 1875 г. оно было уже в 3,5 раза больше, чем в 1863 г. По темпам роста евреи опережали все население города в семь раз [1, с. 51, 52, 56]. Иркутский губернатор И. П. Моллериус даже высказывал опасения, что «если не принимать меры

противодействия, евреи переполнили бы г. Иркутск, в котором для огромного региона сосредоточены прибыльные заработки» [3, л. 315–316].

В 1880-е гг. образовалась уже солидная прослойка истинно иркутских евреев: 45,4 % еврейских семей прожили в городе к тому времени более 10 лет, около 5 % здесь родились [7, л. 1–81]. А в первое десятилетие XX в. абсолютное большинство иркутских евреев составляли местные уроженцы, прибывшие в город с началом его роста и прожившие здесь не менее 15–20 лет [1, с. 61].

Оказавшись в Иркутске, евреи легко вписались в его экономическую структуру в качестве торгового элемента. На выбор этой сферы деятельности объективно повлияло правовое положение сибирских евреев: постоянная неуверенность в завтрашнем дне требовала быстрого оборота капитала при одновременном получении высокой прибыли, скорого и безболезненного свертывания работ при первой угрозе выселения. К тому же в этом качестве евреи были востребованы колонизуемым обществом, остро нуждавшимся в развитии торгового посредничества между городом, округами и золотыми приисками, что позволило успешно играть предназначенную им роль со времени появления в Сибири до установления советской власти.

Хотя их доля в населении Иркутска не превышала 5 %, евреи составляли почти четверть всех торгующих города – точнее, самостоятельных хозяев, взявших свидетельство на право торговли. Если учесть количество обслуживающих торговый оборот приказчиков, сидельцев и доверенных, то эта цифра значительно возрастет. Н. С. Романов указывал, что евреи составляли 11,6 % от общего числа иркутских приказчиков [23, с. 62].

Торговцами в основном они были мелкими, по крайней мере, если судить по следующим цифрам: в 1885 г., выкупив 28 % торговых мест на Арсенальской площади, евреи заплатили лишь 18,6 % общей суммы сбора [6, л. 26–98]. Следовательно, они арендовали в основном мелкие лавочки. Однако торговля, даже мелкая, позволяла поддерживать сносное существование. И хотя из числа занимающихся мелкой торговлей без определенной специализации разбогатели единицы, но и в списке бедняков, нуждавшихся в попечении общины, торговцев не было – в основном ремесленники, поденщики или лица без определенных занятий [7].

Наиболее прибыльной была торговля вином. Постепенно сложился круг еврейских виноторговцев, имевших по несколько десятков питейных заведений – харчевен, погребов, трактиров: Яков Домбровский, Леонтий Лейбович, Аграфена Маркевич, Яков Перцель, Исай Файнберг. А сочетание производства вина с его оптовой торговлей позволяло получать высокую прибыль с наименьшими затратами. Ограничение, а с 1887 г. и полный запрет винной торговли для евреев нанес чувствительный удар по их коммерции, однако они мгновенно перепрофилировали свою торговлю на продукцию сельского хозяйства – в Иркутске ею занимались 45,7 % всех еврейских торговцев. Крупные торговцы, успевшие скопить первоначальный капитал, занимались поставками на прииски. Историки Иркутской еврейской общины указывали, что из местных промышленников мало кто не имеет постоянно действующих

контактов с золотопромышленными предприятиями [1, с. 113]. Важными направлениями торговли иркутских еврейских предпринимателей стала Монголия, где они скупали скот, впоследствии поставляя его на прииски, а позже – Транссибирская железнодорожная магистраль.

За 30–40 лет активной деятельности начавшаяся с мелких сделок еврейская торговля приобрела размах и солидность. В Иркутске в 1860–1870-х гг. зажиточные еврейские семьи были наперечет. В 1880-е гг. их процент был уже солидным: при строительстве новой синагоги после пожара 1879 г. только за места, купленные в вечное владение, выручили более 22 тыс. руб., хотя продали их менее чем 30 лицам [1, с. 221]. В XX в. в Иркутске была заметна прослойка евреев-купцов первой гильдии, которые выкупали гильдейские свидетельства на протяжении 15–20 лет: Штамбок, Дубников, Аарон Патушинский, Шепшелевич, Яков Перцель. В это время в городе из 133 наиболее значительных торговых фирм четверть принадлежала евреям. Они удерживали устойчивые позиции в торговле хлебом, им принадлежала половина фирм, торговавших парфюмерией, готовым платьем, головными уборами, крупчаткой. Широко известны были магазины готового платья Лейбы Мерецкого, товарищества «Кальмеер и сыновья», «Торгового дома Штамбок, сыновья и Ко» (оптово-бакалейная торговля). Еврейские купцы основали и первые промышленные предприятия в городе: первым иркутским мыловаром был Александр Левенберг, первый краскотерочный и олифоваренный завод был открыт А. Лоцманом в 1889 г., первое предприятие по производству дрожжей в Иркутске принадлежало Я. Перцелю [9, с. XV].

Характеризуя местное купечество, В. П. Сукачев писал: «...старого родовитого... купечества более не существует. Нынешние иркутские капиталисты и торговцы – люди новые, выдвинутые или золотопромышленностью, или каким-либо иным случайным и удачным для них оборотом дел» [8, с. 128]. Эта характеристика в полной мере относится и к «новым евреям».

Даже при смене «поколений», когда в одночасье рушились нажитые годами состояния и им на смену приходили другие – более гибкие, приспособленные к новой динамичной системе хозяйствования, адаптацию иркутских евреев на рубеже XIX –XX вв. можно считать полностью состоявшейся. Об этом говорит, прежде всего, изменение профессиональной структуры: за 20 лет процент прислуги из евреев сократился с 4,6 до 0,6 % при одновременном росте доли квалифицированных специалистов: учителей, медиков, лиц творческих профессий [17, с. 104]. В промышленности они выступают уже не только как «торгово-промышленный элемент», но и как техническая интеллигенция, заметная в строительстве, банковском деле и т. д. Изменились их роль и положение в обществе, они пополнили собой ряды крупных благотворителей: открывали училища, устраивали благотворительные вечера в пользу детских приютов и общественных организаций, делали солидные пожертвования на строительство местного театра. Степень участия евреев в благотворительной деятельности была не ниже их участия в местной торговле. Благотворительность вписывалась в поведенческие стереотипы сибирского купечества и потому, что помимо самореализации, которая особенно необходима

людям самодостаточным, но при этом не имеющим равные со всеми возможности, интегрировала их в местное сообщество, повышала статус, служила доказательством патриотизма, давала признание, необходимое при их правовой уязвимости. В результате интеграции евреев в принимающее общество они преобразились даже внешне, ничем – ни говором, ни одеждой, ни привычками или менталитетом – не выделяясь из городской среды.

Причиной их экономического могущества, позволившего практически безболезненно инкорпорироваться в сибирский городской социум, стало в конечном итоге удачное стечение обстоятельств: спрос на навык колонизации встретил предложение колонизаторов. Сдержанные в своей инициативе в черте оседлости, евреи получили возможность проявить эту инициативу там, где она была востребована. Нуждающемуся в капитализации краю они предложили свои услуги носителей «капиталистического духа». Они сумели стать своими, проявив талант мимикрии, вызванной не только психологическими особенностями, но и объективными обстоятельствами развития диаспоры, в русле которой в основном следуют представители всех народов, по разным обстоятельствам оказавшиеся оторванными от своего этнического «очага», и первая ступень которого предполагает «наведение мостов» через разделяющую пришлых и «коренных» пропасть, сближение характеристик менталитета в той мере, в какой это оказывается для них необходимым и приемлемым [12, с. 108].

Закрепившись на городском экономическом и культурном пространстве, еврейская община сумела создать мощную инфраструктуру для обслуживания своих духовных нужд – религиозные, культурные, благотворительные организации. Уничтоженная пожаром и вновь отстроенная и освященная в 1881 г. синагога сыграла исключительную роль объединителя еврейских масс, став символом единства и хранителем этнической самоидентификации. В фонде открытой при синагоге библиотеки к 1914 г. насчитывалось 4 тыс. томов на сумму 6 300 руб. [14, с. 25]. Иркутское благотворительное общество помощи бедным евреям полностью взяло на себя заботу о неимущих. Еврейское училище, получившее статус общественного, давало не только национальное образование, но и навыки ремесла, позволявшие заработать на жизнь. Это было самое крупное, хорошо оснащенное еврейское учебное заведение в Восточной Сибири, предмет гордости и постоянного внимания общины. За несколько десятилетий на воспитание, просвещение, ремесленное образование, постройку собственного здания было затрачено не менее 170 тыс. руб. [1, с. 338], в 1910–1911 гг. в училище получали образование 265 детей [5, л. 62]. Просветительская деятельность вышла и за пределы школы, активно действовало Иркутское отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России.

Не будем идеализировать ситуацию: «пораженным в правах» дважды – как ссыльным и как собственно евреям – нелегко было завоевать признание в крупном торгово-промышленном и административном центре Восточной Сибири. Иркутские евреи познали и самодурство зараженных антисемитизмом чиновников, и зависть незадачливых конкурентов, и жестокие проверки права

жительства, и массовые кампании по выселению из города. С 1884 по 1893 г. их численность в городе уменьшилась в полтора раза – как результат ужесточения правовых ущемлений евреев, характерных для эпохи Александра III [19, с. 60], а за четыре года правления генерал-губернатора А. Н. Селиванова в 1906–1910 гг. из города было выселено не менее 300 еврейских семей (около 1,5 тыс. чел.) [1, с. 152]. Их общественная состоятельность во многом была достигнута не благодаря обстоятельствам, а вопреки им. Вековые гонения создали особую генерацию людей, способную динамично развиваться в совершенно неблагоприятных для этого условиях и даже при отсутствии всяких условий. Евреи «растворялись» на время массовых «чисток», регистрировали свои фирмы на подставных лиц, покидали места причисления, давали взятки за возможность их «не замечать». В конце XIX в. половина евреев Иркутска жила в городе нелегально [20, с. 362]. В вышеописанном процессе массового «возвращения к истокам» еврейской этнической группы чиновный и обывательский антисемитизм сыграл свою роль (хоть это и не единственная причина). Растущая социальная напряженность, неизбежно провоцирующая этническое насилие как способ выражения общественного недовольства, порождает ответное противодействие диаспоры, готовой сплотиться под флагом «национальной» идеи. Поворот к традиции вполне вписывается в стратегию кризисного поведения еврейской диаспоры, сформулировавшей в этих условиях концепцию возвращения из цивилизационного состояния в этническое [24, с. 53–54].

Стремительный (за несколько десятилетий) переход иркутских евреев из «ссылочного состояния» к объективному осознанию их органичности и неотъемлемости в городском пространстве не является чем-то уникальным. Изучение данного процесса на всей территории Восточной Сибири [10] позволяет нам с полной уверенностью говорить о сложившемся стереотипе практически полной интеграции евреев в городской социум при сохранении, тем не менее, своего этнического и конфессионального мироощущения. Однако уникальность иркутского еврейского опыта заключается в том, что евреям удалось войти в элиту административного центра генерал-губернаторства. М. Новомейский вспоминал, что благотворительный бал, который ежегодно проводила в Иркутске его старшая сестра Мария Цукасова, был «гвоздем» сезона для иркутской знати. По традиции открывал его генерал-губернатор, входивший в зал с ней под руку [13, с. 46], что было немыслимо для городов западных губерний империи. Воллернер и Патушинский приятельствовали с генерал-губернатором А. И. Пантелеевым, запросто бывая в гостях друг у друга [16, с. 115]. А без Я. Д. Фризера не обходилось ни одно совещание у генерал-губернатора по вопросам «обустройства» края – шла ли речь о путях сообщения, рыбопромышленности или устройстве почтового пароходства в верховьях Лены [11, с. 120].

Подобную роль в крае они играли разве что в Баргузине, где, по сути, по своему богатству и образованности и составляли местную элиту. Но Баргузин был затерянным в тайге маленьким уездным городом, где евреи в процессе интеграции не встретили ни открытой неприязни, ни сколько-нибудь замет-

ной конкуренции. Быть на равных в светском обществе Иркутска с его статусом и самодостаточностью крупного делового центра было куда сложнее. Само по себе богатство не гарантировало принятия в элитный круг. Достаточно привести пример Кауфмана Бляхера, иркутского купца первой гильдии, жившего, по его собственному признанию, шире губернатора, но при этом в двое суток выдворенного из Забайкалья, в котором он не имел права проживания [2, л. 143–145]. Евреи сумели проникнуться духом города, сами своими психологическими установками разрушив все барьеры на пути в высший свет. Иркутск – блестящий по статусу, но демократичный по сути, сумел это оценить.

Еврейская колония стала органичной частью Иркутска. Наличие особой иркутской почвы придало неизбежности этому слиянию [18, с. 132].

1. *Войтинский Вл.* Евреи в Иркутске / Вл. Войтинский, А. Горнштейн. – Иркутск : Изд-во Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общества распространения просвещения между евреями в России, 1915. – 390 с.

2. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 13992.

3. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 917. Д. 26.

4. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2187.

5. ГАИО. Ф. 63. Оп. 11. Д. 173.

6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 892.

7. ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1061.

8. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, отредактированный и изданный иркутским городским головой В. П. Сукачевым. – М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1891. – 267 с.

9. Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. – Иркутск : Пар. тип. И. П. Казанцева, 1911. – 598 с.

10. *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года) / Л. В. Кальмина. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. – 423 с.

11. *Кальмина Л. В.* Меценат Яков Фризер: трагедия успеха // Науч. тр. по иудаике : материалы XVII ежегодной конф. по иудаике. – М., 2010. – Т. 2. – С. 116–125.

12. *Левин З. И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З. И. Левин. – М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт+, 2001. – 176 с.

1. *Voytinskiy Vl.* Jews in Irkutsk / Vl. Voytinsky, A. Gornstein. – Irkutsk : Publishing of Economic government of the Irkutsk Prayer House and the Irkutsk Department of knowledge propagation among the Jews in Russia, 1915. – 390 p.

2. SAZK. F. 1(o). Inv. 1. D. 13992.

3. IRSA. F. 25. Inv. 9. Box 917. D. 26.

4. IRSA. F. 32. Inv. 1. D. 2187.

5. IRSA. F. 63. Inv. 11. D. 173.

6. IRSA. F. 70. Inv. 2. D. 892.

7. IRSA. F. 91. Inv. 1. D. 1061.

8. Irkutsk. Its Place and Importance in History and Cultural Development of Eastern Siberia. Essay, Edited and Published by Sukachev V. P., the Irkutsk Head – M. : Typolithography of Kushnerev I. N. and Co partnership, 1891. – 267 p.

9. Calendar – Reference Book on Eastern Siberia, 1911. – Irkutsk : Steam typography of Kazantseva I. P., 1911. – 598 p.

10. *Kalmina L. V.* Jewish Communities of Eastern Siberia (Half of the XIXth C. – February, 1917) / L. V. Kalmina. – Ulan-Ude : Publishing complex VSGAKI, 2003. – 423 p.

11. *Kalmina L. V.* Patron Iakov Frizer: the Tragedy of Success // The Scientific Papers on Jewish Studies: Papers of the XVIIth Annual Conference on Jewish Studies. – M., 2010. – Vol. II. – P. 116–125.

12. *Levin Z. I.* Mentality of Diaspora (Methodical and Socio-Cultural Analysis) / Z. I. Levin. – M. : Institute for Oriental Studies of the RAS; Kraft+, 2001. – 176 p.

13. *Новомейский М.* От Байкала до Мертвого моря / М. Новомейский. – Иерусалим : Библиотека-Алия, 1979. – 383 с.
14. Отчет хозяйственного правления Иркутского Еврейского молитвенного дома за 1913 год. – Иркутск : Электротип. И. А. Белоголового, 1913. – 48 с.
15. Осибирячившийся. Евреи как колонизаторы в Сибири // Сибирь. – 1878. – № 17–18.
16. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора / И. И. Попов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 334 с.
17. *Пинигина Ю. Н.* Опыт взаимодействия еврейской общины дореволюционного Иркутска с местной властью // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX–начало XX вв.) : сб. ст. – Красноярск : Кларетианум, 2001. – С. 96–109.
18. *Рабинович В. Ю.* Акторы межэтнического взаимодействия: евреи дореволюционного Иркутска и принимающее общество // Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 130–141.
19. *Рабинович В. Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе / В. Ю. Рабинович. – Иркутск : Кларетианум, 2002. – 240 с.
20. *Рабинович В. Ю.* О противоправной деятельности евреев дореволюционного Иркутска // Восток и Россия: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. к науч.-практ. конф. – Иркутск : ИГУ, 1996. – С. 358–363.
21. РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18271.
22. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 54.
23. *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Н. С. Романов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 544 с.
24. *Членов М.* Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. – 2005. – № 3. – С. 18–39.
13. *Novomeysky M.* From the Baikal to the Dead Sea. / M. Novomeysky. – Jerusalem : Biblioteka-Aliya, 1979. – 383 p.
14. Report of the Irkutsk Jewish Prayer House Board. – Irkutsk : Typography of Belogoloviy I. A., 1913. – 48 p.
15. Osibiryachivshiysya (Becoming Siberian). Jews as Colonizers in Siberia // Siberia. – 1878. – N 17–18.
16. *Popov I. I.* Forgotten Irkutsk Pages. Editor's Notes / I. I. Popov – Irkutsk : Publishing house Vostochno-Sibirskoe, 1989. – 334 p.
17. *Pinigina Yu. N.* Pre-Revolutionary Irkutsk Jewish Community Cooperation with Local Authority // Essays on history of Jewish Communities of Siberia and Far East (the XIXth- Early XXth C.) : Collection of Scientific Papers. – Krasnoyarsk : Klaretianum, 2001. – P. 96–109.
18. *Rabinovich V. Yu.* Interethnic Cooperation Participants: Pre-Revolutionary Jews of Irkutsk and Receiving Society // Migrants and Receiving Society in Baikal Asia. – Ulan-Ude : Publishing of the BNC of the SB of RAS, 2011. – P. 130–141.
19. *Rabinovich V. Yu.* Jews of Pre-Revolutionary Irkutsk: Changing Minority in Changing Society / V. Yu. Rabinovich. – Krasnoyarsk : Klaretianum, 2002. – 240 p.
20. *Rabinovich V. Yu.* Illegal Activities of Jews of Pre-Revolutionary Irkutsk // East and Russia: View from Siberia: Collection of Scientific Papers. – Irkutsk : ISU, 1996. – P. 358–363.
21. RSHA. F. 383. Inv. 15. 1852. D. 18271.
22. RSHA. F. 1264. Inv. 1. D. 54.
23. *Romanov N. S.* Chronicles of Irkutsk for 1881–1901/ N. S. Romanov. – Irkutsk : Publishing house Vostochno-Sibirskoe, 1993. – 544 p.
24. *Chlenov M.* Jews in the Civilization (statement of an issue) // Diasporas. – 2005. – N 3. – P. 18–39.

Jews in the Pre-Revolutionary Irkutsk: Gleam of Province Gloss

L. V. Kalmina

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the SB of the RAS, Ulan-Ude*

The article examines the process of Jewish adaptation in Siberian by example of Irkutsk, a provincial city. Being exiled in the majority they managed to penetrate into the upper-class.

Key words: exile, Jewish Pale, legal status, behavioral strategies, integration, place of residence, ethnic violence.

Кальмина Лилия Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, тел. 8(3012)43-40-97, e-mail: kalminal@gmail.com

Kalmina Liliya Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Leading Scientist of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 6, phone 8(3012)43-40-97, e-mail: kalminal@gmail.com